

Сибири и Дальнего Востока», не имеющей аналогов в мировой фольклористике. Она является одним из составителей томов серии «Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных» (1993), «Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока. Часть 1: Семейно-обрядовые песни и причитания» (2011).

В настоящее время список научных публикаций профессора, члена Научного совета по фольклору РАН, Фольклорной комиссии вузов России Татьяны Георгиевны Леоновой исчисляется 240 трудами, среди них 4 монографии, 9 сборников текстов, 179 научных и методических трудов по различным актуальным вопросам фольклористики и литературоведения, 48 отредактированных сборников научных трудов².

По решению Президиума РАН в 2003 г. Т. Г. Леоновой присуждена премия им. А. Н. Веселовского за цикл работ по народной культуре Сибири. Ее многолетняя педагогическая и научная деятельность неоднократно отмечалась почетными грамотами и наградами Министерства просвещения РФ и ОмГПУ, она также награждена значком «Отличник народного просвещения».

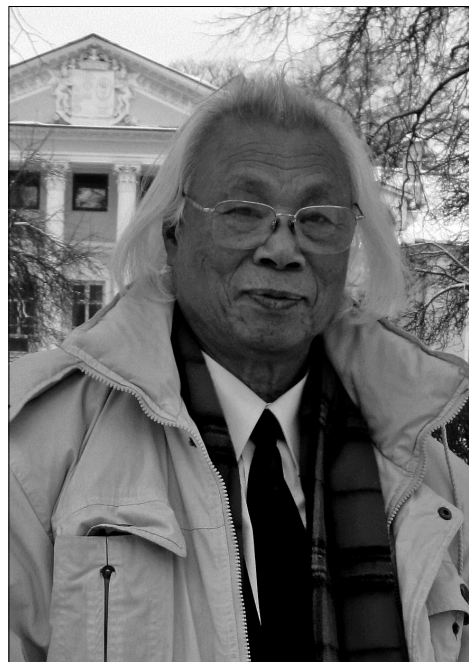
Татьяну Георгиевну всегда отличал высокий профессионализм, принципиальность, активная жизненная позиция, глубина погружения в науку. В свои 85 лет она продолжает научную деятельность: на выходе из печати находится ее новый труд — монография «Проблемы изучения регионального фольклора».

В этот юбилейный для Татьяны Георгиевны год пожелаем ей здоровья, продолжения интересной и творческой работы в течение долгих лет!

Доктор филол. наук,
проф. кафедры литературы
и культурологии ОмГПУ

Н. К. КОЗЛОВА

² Татьяна Георгиевна Леонова: Библиографический указатель / сост. В. А. Москвина. Омск, 2009; Татьяна Георгиевна Леонова: Библиографический указатель. Дополнения / сост. Т. Г. Леонова. Омск, 2014.

ЛЮ КУЙЛИ.

80 лет...

В 1953—1958 гг., когда я училась в Московском государственном университете, на филологическом факультете было много студентов из стран Восточной Европы и Китайской Народной Республики. Курс был очень дружный — мы всегда старались помогать нашим курсникам-иностранцам, постигавшим сложности русской речи. Китайские студенты отличались особым усердием, что вызывало большое уважение.

Когда мы были на третьем курсе, всеобщее внимание привлек новый студент из Китая. Его звали Лю Куйли. Вскоре все узнали, что в 19 лет он окончил Институт русского языка в Харбине, проработал там 2 года и был направлен в аспирантуру МГУ, где его наставниками стали профессора В. И. Чичеров и Э. В. Померанцева.

Судьбу Лю Куйли сложно охарактеризовать несколькими словами — она была и очень трудной, и очень счастливой. Трудной, потому что ему на родине пришлось пережить годы Культурной революции, из которых он вышел таким же влюбленным в русский язык и

русский фольклор, как и в 19 лет, когда он впервые попал в МГУ.

В 1993 г. делегация российских фольклористов — академик Г. Г. Гамзатов, член-корр. РАН В. М. Гацак, д. филол. н. Чокар Юсупова и я — приехали в Пекин и читали лекции в Институте национальных меньшинств, где до 1994 г. Лю Куйли был директором. Мы встретились с бывшими студентами МГУ, которые учились на филфаке вместе с Лю Куйли. Наши однокашники, студенты МГУ из Китая, встретили нас очень радушно и сердечно, но ни один из них не мог произнести по-русски ни слова — они все забыли язык! И только Куйли объяснялся по-русски свободно и очень красиво! Оказывается во время Культурной революции, когда он был разлучен с любимой женой Мэй Лин (она была выслана работать в деревне), Куйли ежедневно по 3—4 часа пел русские песни (а поет он просто потрясающе!) или разговаривал по-русски сам с собой. В результате этой упорной работы он не только не забыл язык, но даже усовершенствовал его!

Свое счастье — будущую жену Мэй Лин — Лю Куйли нашел также в Москве, на филологическом факультете МГУ. Эта изящная, как все китайки, юная девушка была наделена не только запоминающейся красотой, но и талантом исследователя. Куйли чутко поддерживал ее любовь к Шолохову. Как светились счастьем его глаза, если ему дарили какие-то книги о Шолохове для Мэй Лин!

Наш верный товарищ, друг и соратник Куйли встречает свой замечательный юбилей в полном расцвете сил: он много сделал для развития науки о фольклоре в Китае, он написал прекрасные исследования, он вырастил новое поколение китайских фольклористов и при этом остался тем же скромным, деликатным человеком, по кому в любой стране мира будут судить не только о китайских ученых, о китайской интеллигенции, но и обо всем китайском народе — талантливом, трудолюбивом, скромном, о том, кто мало говорит, но много делает.

Доктор филол. наук, ученый секретарь
ИМЛИ им. А. М. Горького РАН

А. И. АЛИЕВА

ИНТЕРВЬЮ С ЛЮ КУЙЛИ (г. Эргуна, КНР, июль 2014 г.)

Профессор, а почему и когда Вы начали изучать русский язык?

Было такое время, когда для китайцев не было возможности изучать любой другой иностранный язык кроме русского. В Харбине был Институт русского языка. Я поступил в него в 1950 г., в декабре, когда шла корейская война, а окончил в 1953-м, в июне. Мы закончили обучение, и все были распределены в разные места — в министерство иностранных дел, министерство зерна, продуктов, торговли. Меня оставили в институте. Один год я преподавал грамматику русского языка. Тогда мне было 19 лет. Потом меня отправили в Пекин, я там провел целый год: меня проверяли — какие родные, какие связи за рубежом и так далее. Я прошел эту проверку и был отправлен в Москву в аспирантуру. В 1955-м мне был 21 год. Но я не хотел быть аспирантом. Мне самому показалось, что это очень сложно. Я решил начать с первого курса — новые занятия, новые уроки новые предметы. Прочулся два года. А вот когда появились такие предметы как педагогическая практика, военное дело, психология, политическая экономия, марксизм-ленинизм, я понял, что для меня они — ненужная нагрузка. И я решил попроситься в аспирантуру, спросил, имею ли я еще на нее право. И меня перевели. Моим научным руководителем стал Владимир Иванович Чичеров.

Почему именно он?

Дело в том, что тогда вроде бы только Владимир Иванович мог руководить иностранными аспирантами — он был заведующим кафедры, одновременно — заведующим сектором фольклора в ИМЛИ РАН, а еще — профессором в Высшей партийной школе.

Почему Вы пошли на кафедру фольклора, выбрали эту специализацию?

Когда я еще был студентом, все китайские студенты и аспиранты на каникулах отдыхали в домах отдыха, а я хотел иметь больше возможности прак-

тиковаться в русском языке. Студенты-филологи ездили на фольклорную практику, которой руководила Эрна Васильевна Померанцева, и я стал ездить вместе с ними. Каждый раз перед экспедицией Эрна Васильевна собирала нас и распределяла, кто что несет. Каждый — один килограмм риса, гречки, сахар, конфеты для малышей, карандаши, тетрадки. Мне давали магнитофон — доверяли. После экспедиций в каком-нибудь кафе мы обсуждали, где и когда устраивать капустник. Мне так понравилось всё это!

И вот когда я перевелся в аспирантуру, я выбрал фольклор. Кто-то хотел изучать творчество Пушкина, кто-то — Горького, Достоевского, я выбрал фольклор.

В 1958 г. Владимир Иванович скончался. Тогда передо мной встал вопрос: у кого учиться дальше, чьим быть учеником? На кафедре был Ухов — по эпосу работал, Аникин занимался теорией литературы, Василёнок был специалистом по белорусской народной литературе, Эрна Васильевна Померанцева изучала сказку.

После похорон Владимира Ивановича на его поминках проф. Петр Дмитриевич Ухов поссорился с Василёнком, который был партгоргом, руководителем партийной ячейки на кафедре. На поминках о Владимире Ивановиче он сказал следующие слова: «Он во всем был хорош, но плох в одном: он не давал другим развиваться». Ухов сразу встал и сказал: «Ты неправду говоришь. Может быть, он во всем был плох, но только он был хорош в одном, что давал всем развиваться как ученым!» Василёнок в ответ заюбил, мол: «Да, я выпил больше, чем надо. Не обращайтесь внимания».

Я пошел провожать Василёнка домой вместе с Игнатовым, его аспирантом. Василёнок или действительно был пьян, или притворялся, и мы должны были его вести. Дома у него был снимок Владимира Ивановича, который он сделал сам. Игнатов его спросил: «Вы можете тоже нам сделать фотографию?» А он ответил — это будет дорого стоить, платите. Меня он начал уговаривать стать его учеником: «Ты знаешь

русский язык, и тебе ничего не стоит выучить белорусский и украинский». Спрашивает: «Какой сейчас иностранный язык изучаешь?» Я отвечаю: «Один год изучал английский, а сейчас немецкий, потому что немцы занимались фольклором больше». Он мне говорит: «Ты китаец и китайский фольклор знаешь, поэтому тебе надо заниматься всемирной сравнительной фольклористикой!» Я ответил ему в том духе, что я пока еще русский фольклор плохо знаю, а чтобы что-то сравнивать, нужно хорошо знать несколько традиций. Василёнок был очень недоволен и всё говорил мне: «Нет, нет, ты подумай!»

Но я уже тогда знал, что моим руководителем будет Эрна Васильевна. Вместе с ней я несколько раз ездил в экспедиции во время летних и зимних каникул — в Карелию, Воронежскую, Ивановскую, Вологодскую, Владимирскую обл. В общем, мы ездили много раз.

Кроме того, Эрна Васильевна читала лекции по фольклору, хорошо читала. А Василёнок ей просто завидовал. Однажды он от имени партийной ячейки созвал заседание кафедры, чтобы обсудить идейную и политическую сущность лекций по фольклористике.

Вот он выступает: «Э. В. Померанцева читает лекции, но она не очень опытна в марксизме-ленинизме...» Он сказал, что считает ее виновной в неправильном преподавании фольклористики по идеологической стороне. И заставляет меня тоже выступить!

Вы были членом партии?

Нет, тогда не был. Был комсомольцем, когда уже приехал в Москву. Василёнок говорит: «Китайские товарищи по идейности очень выдержанные. Ты, Лю, должен выступить по этому поводу!» Я говорю: «Нет, я еще не в курсе дела и должен послушать». В это время выступил один студент в защиту Эрны Васильевны. Василёнок говорит: «Ты кто такой?» Выгнал его. Потом выступил аспирант Василёнка, но не сказал ничего толком. Потом должен был выступать я. Что я сказал? «Я слушал лекции Чичерова и Эрны Васильевны.

Я слушал Ваши лекции по белорусской фольклористике, спецкурсы Мелетинского, Ухова, Аникина. Для меня все эти предметы важны в идейном и познавательном смысле. Поэтому я очень вам всем благодарен! Я стал больше любить Россию. А что для меня значит Родина? Это, конечно, дом, родители. Но самое главное, что я сейчас помню — это детские песни и сказки! Фольклор. Кому нужны витамины-пилюльки? Их принимают только больные! Мы же, здоровые, едим натуральную пищу — суп, кашу, лепёшки. И я думаю, что идеология как раз включена в конкретный фольклорный материал...». Василёнок не дал мне договорить до конца: «Ну, хорошо, садитесь!»

Когда я защищал диссертацию, то Эрна Васильевна попросила прийти на защиту моего друга Бориса Львовича Рифтина, мы с ним вместе тогда работали. Она сказала ему: «Ты знаешь, как он работает, его работы (я уже опубликовал две статьи в Китае). Ты выступишь и скажешь. Мы не знаем, как Василёнок будет себя вести». А до защиты он мне говорил: «Лю, я до сих пор ещё помню твои слова о витаминах-пилюлях. Сегодня я возражать тебе на защите не буду, но учти — всю свою жизнь ты будешь жалеть о том, что много потерял, не став моим учеником!»

Эрна Васильевна заботилась обо мне как о своем сыне. После лекций проходил кружок, который она вела, и однажды я опоздал чуть-чуть. Она, шутя, говорит: «Ну, мой блудный сын, ты почему опаздываешь!» С Эрной Васильевной я выезжал в экспедиции в то время, когда другие студенты еще сдавали сессию. Ей уже было почти 60. Она, кажется, ровесница моей мамы. Однажды во Владимире мы шли зимой по улице, и она вдруг побежала. Я не понял — почему. Потом спрашиваю. А она говорит: «Ты не видел там чёрного кота? Я не хочу, чтобы он перебежал мне дорогу!». Тогда я еще не знал, что это такая русская примета.

Как-то раз в экспедиции мы зашли в церковь, и там после службы с большим подносом собирали пожертвование.

Я не знал, что делать. А Эрна Васильевна достала деньги и положила на поднос. Потом шёпотом мне сказала: «Я жертвую на благоустройство храма».

Ведь это были времена, когда было опасно ходить в церковь. И она настолько доверяла Вам, что не боялась делать это при Вас, знала, что Вы никому не расскажете?

Да, да, конечно. Но я думаю, что она была не очень верующим человеком.

Кто Вам посоветовал заниматься сказкой?

Эпос был для меня труднее, поэтому я выбрал работу со сказкой. Но сначала нужно было сдать минимумы, а потом уже определяться с темой. Это, кажется, почти год прошел в аспирантуре. Эрна Васильевна спрашивала: «Тебе, наверное, легче взять китайскую тему?» Я говорю: «Нет, я же ведь у Вас учусь. Лучше русская тема, по русскому фольклору». «Хорошо, действительно. А то ты что-то напишешь, а я не очень понимаю. И наоборот, то, что я знаю, не очень подходит по твоей теме». Тогда я выбрал тему «Вымысел и действительность в антибарской сказка после крепостной реформы».

Вам удавалось встречаться с известными сказочниками в экспедициях?

Да, часто. К примеру, с Анной Николаевной Корольковой. Это очень знаменитая сказочница. Мы вместе с ней поехали к ней на родину в Старую Тойду Воронежской обл. Тогда она жила уже в Воронеже. И мы вместе с ней ездили в Старую Тойду. Это было старое село, тогда там еще даже была ветряная мельница. Мы все время ходили по домам — Игнатов, Юрий Новиков, была Кербелите, был Юрий Смирнов. Очень интересная экспедиция. Зимой.

Зачем Королькова с вами поехала?

Эрна Васильевна была с ней знакома. Корольковой тоже было интересно с нами вместе поехать на свою родину. Кроме того, Эрна Васильевна читала лекции ученикам в школе в Старой Тойде, рассказывала о сказках Корольковой.

Бывали в экспедициях неожиданные запоминающиеся моменты?

Да, очень много. Зимой ведь в России снег, и бывало, что автобусы из-за него не ходили между поселками. Обычно мы ездили в накрытом брезентом кузове грузовика. Вот так однажды машина застряла, и шофер попросил: «Молодые люди, подтолкните». Мы с Басиловым (потом он стал заместителем директора Института этнографии в Академии, в то время был студентом исторического факультета МГУ) подтолкнули, машина пошла, а мы упали в глубокий снег — было скользко. Грузовик поехал назад, и я оказался между колесами. Женщины закричали! Я ноги чуть-чуть подогнул, и машина в это время остановилась.

Как-то нам нужно было добраться до временного аэродрома в другой поселок, где для самолета была выбрана ровная площадка. Самолет был на лыжах. Из села, где мы работали, не было никакого транспорта, и администрация ничего не давала. Басилов не дал мне знать, приходит к какому-то начальнику и говорит: «Давай нам сани, иначе будут большие неприятности. С нами родственник Лю Шаоци, председателя КНР!» «Неужели?» Потом начальник сам подошёл ко мне и спросил: «Вы родственник Лю Шаоци?» Я, не понимая о чем идет речь, говорю: «Нет». «А как фамилия?» Я говорю: «Лю». Нам сразу дали сани, и мы доехали до этого аэродрома. Помню, там крестьяне ели-пили, а мы, бедные, ждали без ничего. Басилов начал нас веселить! Он нарисовал на снегу большое сердце, подошел к девушке, встал на колени и сказал: «Прими мое большое сердце! Я так люблю тебя!» А она ответила: «Не нужно мне твое ледяное сердце!» Мы все это еще потом на капутнике показывали.

А как-то раз я записал, как одна девушка храпит. Когда мы ходили по деревне, то оставляли одного человека дежурным, чтобы он нам готовил еду. Мы вернулись, а она спит и храпит. Я записал ее храп на магнитофон. А потом дал это ей послушать и спросил: «Что это?» Она говорит: «Это какие-то чужки бегают».

Какие были Ваши первые статьи по фольклору?

Я их написал в первый год своей аспирантской жизни. Я ведь несколько раз уже был в экспедициях и знал, как работают исследователи, как ведется полевая работа. Записывали всё, что есть: от слова до слова, не искажая. А в Китае в это время фольклористы говорили, что нужно редактировать записанный текст. А почему? Потому что исполнители неправильно могут рассказывать, иногда даже сообщать о «плохих» верованиях, суевериях. А я написал о том, как это делают в России. Это была большая статья. На 10 000 иероглифов. На нее сразу появились отклики. Было чуть ли не 10 статей, где доказывалась противоположная точка зрения. В них критиковали меня и даже называли господином, тогда было принято только «товарищ». Так и писали в заглавии: «По поводу критики Господина Лю Куйли». А через год, в 1957-м, в Китае было развернуто движение против «правого уклона». Многих людей сослали в деревни. Если бы я был в Китае, а не в России, меня бы тоже возможно послали. Потом, когда эта кампания прекратилась, я написал ответную статью на все эти отклики «господину». Она была опубликована в журнале «Фольклор», в том же, где и первая статья. Шел уже третий год аспирантуры. В ней я обсуждал, что наука должна выяснять, когда и в связи с чем произошли те или иные изменения в фольклоре. Задавал вопрос о том, нужно ли воспитывать носителей традицией. И отвечал, что нет, наоборот! Исследователь должен учиться у них народной мудрости, той, что они накопили за много веков. В общем, сложная дискуссия была. Потом она была названа «Дискуссией о подлинности записей фольклора».

Я был совсем молодым, еще даже не защитил диссертацию. И именно эти две мои статьи имела в виду Эрна Васильевна, когда просила Бориса Львовича Рифтина выступить на моей защите, если вдруг возникнут какие-то сложности. Когда через некоторое время, через 30 лет, я выпустил сборник своих ста-

тей, я включил их в него, потому что они до сих пор не теряли своего значения.

Каково в современной китайской фольклористике понимание того, как записывать фольклор?

Оно соответствует тем критериям, которые были высказаны в моей первой статье.

Где Вы начали работать, когда вернулись в Китай из России?

Я вернулся в 1961 г., глубокой осенью, почти зимой. Сначала меня хотели оставить в Пекине, в Академии наук. Но ректор университета в Харбине хорошо знала заведующего отделом пропаганды ЦК КПК. Она из Янани. Начальник отдела одновременно был заместителем президента Академии и заведовал гуманитарным отделением. Директор требовала: «Верни моего ученика! А то я больше не буду отдавать вам своих учеников!» И сначала я работал в Харбине. Это уже после Культурной революции я попал в Пекин.

Что было в Культурную революцию?

Меня подозревали в шпионаже, спрашивали: «Переписывались с Рифтиным?» «Да, — говорю, — переписывался». В начале Культурной революции я отдал все свои письма на проверку. В итоге я стал гражданином второй степени. Я преподавал китайский фольклор, через год теорию литературы, потом читал курс «Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, Мао о литературе», потом «Актуальные вопросы по литературе текущего времени». В общем, почти все предметы. А затем нас послали в деревню. Мы строили дома, работали вместе с крестьянами. Тогда и студентов не было в университете. Потом они опять появились, и я стал преподавать древнюю китайскую литературу.

А когда и почему Вы уехали в Пекин?

В 1979 г. Вызвало центральное правительство. В это время сформировалась Академия общественных наук, она была выделена от Академии наук как

самостоятельная научная организация, и я был единственный, кто занимался фольклором и учился за рубежом. Ну, и конечно, сыграла роль и моя дискуссия о фольклоре.

Сначала в Академии общественных наук был один Институт литературы. Я работал в нем заведующим сектором фольклора. Потом он был разделен на три института: Институт китайской литературы, Институт зарубежной литературы и Институт национальных меньшинств. Я участвовал в создании последнего института. В 1983-м был назначен его директором и проработал в этой должности до своего шестидесятилетия, до 1994 г.

Организация работы фольклористов в Китае была связана с тем, что Вы стали директором института?

Нет. В это время я еще был избран вице-президентом Всекитайского общества фольклористов. Общество было создано давно, сразу после образования Республики. Сначала, после переезда в Пекин, я работал секретарем, а затем уже вице-президентом Общества. И собрание фольклора в нашей стране, а затем его научная публикация, ведется под его руководством. После Культурной революции, в 1979 г., появилась идея создания Всекитайского свода фольклора. Отделения общества есть в каждой провинции Китая и даже в уездах, а у нас их примерно 2000. Сначала материалы публикуются в уездах и провинциях. И сейчас у нас опубликовано только по сказкам приблизительно 2500 сборников! А еще сборники пословиц и песен. Всекитайский свод насчитывает около 100 томов. У нас 30 провинций, и по каждой провинции есть сводный том сказок, песен и пословиц. Основные принципы отбора текстов в сводные тома — подлинность записи, точность, типичность и массовость.

В настоящее время я уже нахожусь в должности почетного консультанта Общества и больше работаю в Комиссии по изучению нематериального культурного наследия Китая. В нашу Комиссию ежегодно поступает доволь-

но много заявлений о включении в национальный список нематериального наследия разных «объектов», из каждой провинции, и всё это нужно обсуждать, проверять и т.д. На эту тему будет уже другой длинный разговор.

Расскажите, пожалуйста, немного про Вашу супругу, Мэй Лин.

Мы познакомились в Москве. Она была студенткой, а я — аспирантом. В Москве мы и поженились. Она занималась изучением произведений Шолохова. Ее научным руководителем в МГУ был профессор Якименко, один из авторитетнейших специалистов в творчестве писателя. Моя супруга писала у него курсовую работу, затем дипломную. Она выпустила в Китае три монографии. Она делала и переводы. Большие романы уже были переведены, а вот первые рассказы нет, вот она их и перевела.

Уже после кончины писателя, на третий или на четвертый год, мы вместе ездили в Россию. Светлана, дочь Шолохова, пригласила нас в Вёшенское. В Москве мы встретились с сыном Шолохова и в сопровождении его жены прямо в Вёшенское прилетели самолетом и прожили там три дня. Тогда жена Шолохова, Мария Петровна, была еще жива. Мы много и хорошо беседовали. Об этой поездке моя супруга написала большую статью.

У Вас академическая семья. Вы обсуждали свои работы с супругой, подсказывали научные идеи?

Всё время обсуждали — и по ее теме, и по моей работе. Я пишу медленно. Иероглифы хочется написать красиво. А она писала быстро. Иногда я просто диктовал, а она записывала. Когда она заканчивала свою статью, я ее редактировал. Сейчас ее уже нет рядом. Сердце. После операции она не вышла из больницы. Она очень любила Россию и особенно Волгу — несколько раз совершала по ней путешествия. И в 2014 г. я обязательно побываю на Волге.

Вопросы задавал
В. Л. КЛЯУС

ПОЗДРАВЛЯЕМ КЛАРУ ЕВГЕНЬЕВНУ КОРЕПОВУ

Уходящий год был отмечен таким важным событием, как юбилей Клары Евгеньевны Кореповой.

Казалось бы, совсем недавно мы поздравляли ее с 75-летием, и снова юбилей! К этой дате был закончен большой проект — грант Минобрнауки РФ, результатом которого стал запуск серии книг «Фольклорное наследие Нижегородского края», в рамках которого уже вышли «Фольклор Сосновского района Нижегородской области» (Нижний Новгород, 2013) и «Фольклор Ковернинского района» (Нижний Новгород, 2013—2014), а также «Фольклорно-этнографические материалы на страницах периодического издания “Нижегородские епархиальные ведомости”» (Нижний Новгород, 2013). Вклад Клары Евгеньевны в реализацию этого проекта неоценим.

Дорогая Клара Евгеньевна!

Вы всегда готовы помочь и советом, и работой, Вы дарите нам свои идеи, которые обязательно дождутся своего часа и будут воплощены в жизнь. Вы для нас — образец абсолютно гармоничного и открытого человека, спокойно и с юмором принимающего жизнь!

Мы сердечно поздравляем Вас с юбилеем и желаем Вам здоровья и вдохновения!

Ученики и коллеги